

Abstract. Introduction. *The urgency of the topic of the article is determined by the search for modern philosophy, social and political philosophy in the domain of genesis, the establishment and functioning of the fundamental axiological concept of liberal thought, the freedom of man, in the horizons of meanings. The attention was also paid to the correlation between the historical and philosophical traditions of life and modernist transformations in humanitarian. Purpose.* *The purpose of the paper is to outline the semantic correlation between the using of the figure of silence and the understanding of the philosopheme of memory in G. S. Skovoroda and modern transformations of understanding time, history and memory in social sciences and humanities. Methods used in the study: textual analysis of sources, historical and philosophical analysis, analytical and hermeneutical methods in combination with contemporary history of ideas and culturological approach. The results of the study consist in clarifying the conditions for the formation of a liberal understanding of the concept of freedom in the national philosophical tradition and philosophical symbolism and mysticism in the work and myth of G. S. Skovoroda. Also it was shown the relevance of the model of the formation of meaning through the figure of silence for modern searches of social and political philosophy, cultural studies and the history of ideas. The originality and novelty of the research consist in an attempt to fix and comprehend the connection between the G. S. Skovoroda's philosophical symbolism and the establishment and approval of a liberal understanding of freedom in the European modernist tradition. Conclusions.* *As a result of the research, conclusions were made on the conditionality of the existing understanding of the fundamental liberal value of freedom in Ukrainian philosophical and cultural tradition by the influence of Christian philosophical symbolism of G. S. Skovoroda. This can be considered as a part of the pan-European process of the liberal values formation and the modern world picture. The philosophy of memory and the figure of silence in G. S. Skovoroda are the symbolic models of meaning formation in the specified context.*

Key words: *G. S. Skovoroda, philosopheme of memory, concept of freedom, figure of silence, aposiopesis, ellipse, emphasis, temporal model of modernity.*

Одержано редакцією 19.10.2018

Прийнято до публікації 07.12.2018

УДК 111.1 (09)

DOI:10.31651/2076-5894-2018-2-32-39

БОРИСОВА Татьяна Викторовна,

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и политологии
Днепропетровской национальной
металлургической академии Украины,
e-mail: tvborisova78@gmail.com

ЭСХАТОЛОГИЯ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ХРИСТИАНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Г. П. ФЕДОТОВА

Культурно-философское понимание эсхатологии в творчестве Г. Федотова выступает объектом данного исследования. В ведущих линиях критического анализа вопросов культуры и эсхатологии у русского мыслителя раскрываются и основные темы бытия человека и мира, их конечной судьбы. Богословский контекст исследования Г. Федотовым этих тем позволил осуществить сравнительный анализ христианской и античной эсхатологии, выделить их проблемные точки и точки культурного роста самой идеи культуры. Особая роль творческой деятельности человека понимается русским мыслителем как важное условие бытия града земного. Экзистенциальные основы и феномены жизни человека (творчество, свобода, надежда, смерть, вера, смысл жизни и др.) не мистифицируются, а понимаются в свете христианской антропологии и аксиологии. Религиозное измерение истории мыслителем выводит его на установление общих онтологических корней самой культуры и истории в их эсхатологической перспективе. Мыслитель осуществляет поиски причин социокультурного кризиса современного общества в его исторической ретроспекции. Сравнительный анализ античной и христианской картин мира позволяет критически

взглянуть на идеи платонизма, нигилизма и агностицизма в рассмотрении основных вопросов культуры и эсхатологии. Формирование верного взгляда на вопросы культуры и истории важно для построения актуального бытия человека и общества.

Ключевые слова: культура, эсхатология, история, человек, Бог, свобода, жизнь, нигилизм.

Постановка проблемы. В современной картине мультикультурного мира довольно много вопросов и проблем, требующих от сознательной личности должного внимания и глубокого осмысления. Одной из наиболее актуальных тем выступает тема эсхатологического измерения культуры и истории. В рамках историко-философского дискурса даже сам факт постановки вопроса в таком ключе – это уже философская проблема. Отметим, что проблема эсхатологических обоснований культуры в истории в религиозной философии конца XIX века выходит на первый план.

Еще в первой половине XX века русский мыслитель в эмиграции Г. П. Федотов написал довольно интересную, не утратившую и сегодня своей глубины небольшую работу «Эсхатология и культура». В религиозной философии довольно много тем, что оказываются в активной и живой перекличке с нашей современностью. Тесная связь темы о времени бытия мира с творчеством всех и каждого в этом мире делает вопрос об эсхатологии в культурном пространстве широкоформатным и многоаспектным.

Анализ последних исследований и публикаций. Об актуальности взглядов философа в наши дни свидетельствуют разноплановые статьи, посвященные рассмотрению важности историософских идей в современном мире, западных мыслителей, таких как Х. Яннарас, Т. Шпидлик, Г. Кюнг, Д. Харт, Т. Райт [1], Г. Марсель [2], Г. Честертон [3] и др. Эти вопросы в свое время рассматривали Н. Бердяев, С. Франк, С. Зарин, Н. Федоров, П. Карташов, С. Булгаков, С. Аверинцев [4], И. Ильин [5], С. Хоружий [6]. Так, современная исследовательница творческого наследия русского философа Ж. Гумерова отмечает: «В постижении философии истории и культуры Г. П. Федотов старался следовать принципам христианской историософии – история трактуется им как трагическая мистерия, как трагедия, главным героем которой является человек. Трагедия заключается в непредопределенности конца истории, что вытекает из важного для мыслителя представления о свободе человека, понимаемой как возможность выбора между добром и злом, между истиной и ложью» [7, с. 72].

В работе используются методы системного и структурного анализа, которые позволяют методологически закрепить за феноменами «эсхатология» и «культура» статус автономных явлений, но открытых для органического слияния в философской картине мира. Сравнительный анализ христианской и нигилистической картин мира дает возможность увидеть точки роста культуры, а также позволяет говорить о мистических и исторических горизонтах христианской картины мира.

Цель работы состоит в осуществлении попытки раскрыть проблемное поле соотношения эсхатологии и культуры как феноменов духовной жизни личности и исторического развития общества в творчестве Г. Федотова.

Изложение основного материала. Философ Г. Федотов, описывая в своей работе роль и значение эсхатологии в культуре, далек от той мысли, что интуитивная, внутренняя ясность смысла понятий «культура» и «эсхатология» – очевидна. Такая ясность довольно обманчива, поскольку таит в себе сложное противоречивое секулярное содержание понятий, что ускользают даже от рационального их описания. Важно определиться в самом начале рассмотрения вопроса относительно корректности использования понятий «эсхатология», «историософия», «культура», поскольку их философская нагрузка и роль могут качественно меняться в различных картинах мира (философской, религиозной, эстетической, научной). Тем более разным наполнением они могут отличаться и в философских воззрениях каждого конкретного мыслителя. У Г. Федотова историософия носит не отвлеченный характер философии истории, в ней он видит живую ткань опыта христианской церкви. Для

философа-богослова нет сомнений в том, что философский смысл эсхатологии находит свое выражение в нравственных, духовных оценках цели завершения человеческой истории.

В начале нашего XXI века мы наблюдаем рост не просто интереса к вопросам христианской эсхатологии, но и нарастающее беспокойство в котором все выразительней и четче обозначаются агностические и эзотерические мотивы. Следует так же отметить, что сегодня на философско-богословском уровне ведутся рассуждения об имманентном и трансцендентном осмыслении вопросов будущего человечества. Одним из наиболее интересных для изучения этих вопросов мыслителей, на наш взгляд, является профессор А. Зубов. Его работа «Эсхатологическая уникальность христианства» во многих аспектах перекликается с идеями Г. Федотова. Так, профессор А. Зубов пишет: «Эсхатология – главное в любой религии, и сопоставление эсхатологических учений – дело по крайней мере более объективное, чем самоуверенное утверждение – «нет, тот, кого в вашей вере считают творцом, не истинный творец, вот Тот, в Кого верим мы, он – Творец по истине»» [8, с. 236].

Заметим, что современную европейскую культуру с ее массовым сознанием трудно и довольно сложно с чем-либо сравнивать. Потому Г. Федотов, когда ее обсуждает, то обыкновенно сравнивает с традиционной христианской культурой, считая последнюю «высокой». В помощь он берет слова и размышления Г. Зиммеля, Н. Сетницкого, Н. Федорова, как носителей уже «субъективного» понимания культуры. Их авторские находки толкования культуры, по мнению Г. Федотова, содержат перекосы, что способны исказить даже основы христианской догматики. Вместе с тем мыслитель далек от желания раскрывать вопросы эсхатологии через приемы литературной казуистики, по примеру модернистских притч Ф. Кафки. Так же можно указать на еще несколько тем и вопросов, в которых философия русского мыслителя окажется в переключке с проблемами современной антропологии и культуры в целом. Не умолкают и сегодня споры и рассуждения о сущности, природе и смысле творчества. На все лады склоняют эту тему психологи, психоаналитики, социальные философы и культурологи. Философско-богословский аспект творчества Г. Федотова, по словам одного из современных исследователей, несет особую выразительную смысловую нагрузку: «Г. П. Федотов в отличие от Н. А. Бердяева, оправдывал культурно-историческое творчество перед лицом эсхатологических ожиданий... творчество рассматривается им как результат «синергии» со Всевышним Творцом, как результат взаимодействия божественной благодати и свободной воли человека» [7, с. 73].

На страницах своей работы «Эсхатология и культура» Г. Федотов предпринимает попытку рассмотреть феномены «эсхатологии» и «культуры» в их теснейшей взаимосвязи. Мыслитель обрушивается с разрушительной критикой на идею о необходимости мировоззренчески развести эти понятия. Вместе с тем не считает корректным рассуждать о необходимости их примирения, поскольку в последнем (т. е. примирении) они не нуждаются, если верно их понимать и толковать. Выбранная таким образом философом «золотая середина» видится нам довольно радикальной и зрелой позицией. Почему? Потому как такая позиция заключает в себе реальное отстранение от двух противоположных крайностей – «культура взятая без эсхатологии» и «эсхатология понимаемая без культурного контекста».

Вдумчивые умы современной нам культуры в противовес усложненным схоластическим анализам апокалипсической картины мира противопоставляют критический взгляд на так называемые культурные проекты конца света. В воспоминаниях поэтессы О. Седаковой о жизни и творческом наследии С. Аверинцева отмечается, что культура постмодерна и открытие в XX веке «бессознательного» – провозглашают конец самого мира. Но «мир заканчивался, по мнению Аверинцева С. С. уже неоднократно в подобных культурологических моделях, а потому, следует подумать о том, что все же должно начаться [9, с. 90].

Вопросы, обсуждаемые русским мыслителем еще в прошлом столетии, не утратили своей остроты и интереса и в наши дни, в дни культуры креативного постмодерна. Новомодные и сомнительные, с точки зрения духовной ценности, стихии бушуют в современном культурном пространстве. Тема эсхатологической судьбы всего сущего всегда

была в нем и обсуждалась.

В проблемное поле философского анализа Г. Федотова попадает целый ряд глубоких и интересных тем. Прежде всего, речь идет о следующем:

- рассматриваются отличия между философской греческой мыслью с ее этическими кодексами и христианским измерением исторической судьбы человечества;
- очерчивается философский рельеф вопроса смерти личности и мира;
- звучит категоричный отказ от гносеологического пафоса в размышлениях о конечной судьбе мира;
- осуществляется попытка измерения трагизма смерти без эсхатологической перспективы как выход на идею «предельности» трагизма.

По мнению О. Седаковой, модернистские умонастроения вносят элементы бунта в традиционную систему ценностей. Ничего общего с философским «бунтом» А. Камю этот бунт не имеет, он на него не похож. Запуганный массовой культурой, идеями завершения истории «здесь и сейчас» человек выстраивает свою жизнь в соответствии со страхом и ожиданиями. Он словно проживает и изживает свою жизнь как бы накануне конца света и сам почти готов уже его себе устроить. Еще Г. Честертон в свое время отмечал тот момент, что духовно и социально зрелая личность живет по иному закону – словно «после конца света», того конца, что предстает нашему сознанию и пониманию в еще не зрелой личности. У Г. Федотова можно увидеть довольно интересную трактовку смысла и процесса истории в свете размышлений о будущем человечества, его тональности и неизбежности: «История может идти от катастрофы к катастрофе – но не отчаивайтесь: Господь грядет. Однако история не демонстрация классического лабораторного опыта и не постановка давно уже написанной драмы. Человеческая свобода входит в состав ее, образуя самую ткань ее. Поставленная по середине между миром природы и миром благодати, человеческая свобода сообщает истории ее непредвидимость. «Если не покаетесь, все погибнете. Если покаетесь, все спасетесь». Ведь и Спаситель не утверждает, а спрашивает нас: «Сын человеческий найдет ли веру на земле?»» [10, с. 53].

Осознание смысла процесса завершения и полноты времен в истории, по мнению Г. Федотова, примиряет человека с этой данностью, сохранив в нем творческие порывы и свершения как необходимость бытия. Об этом философ пишет так: «Не будем утверждать, что пессимистический вариант эсхатологии исключает энергию человеческого делания. Этому противоречил бы весь тысячелетний опыт средневековой церкви, хотя личное делание при такой концепции естественно заслоняет социальное. В сущности, социальное понимается здесь обычно как приложение или проекция личного. Целое, как сфера или объект деятельности, редко осмысливается. Ведь оно все равно обречено на неудачу и гибель. Однако, в наше время параллельно с федоровским оптимистическим взглядом на эсхатологию сложилось и новое понимание трагической эсхатологии, более благоприятное для культурного творчества. Небесный Иерусалим, спускающийся на землю и завершающий страдания мира, мыслится не только Божиим даром, но отчасти и человеческим созданием. Точнее, делом богочеловеческим. В нем возвращаются, воскресшие и преображенные, плоды всех человеческих усилий, творческих подвигов, которые были погублены трагедией смертного времени. Ничто подлинно ценное в этом мире не пропадает. Культура воскреснет, подобно истлевшему телу, во славе; Тогда все наши фрагментарные достижения, все приблизительные истины, все несовершенные удачи найдут свое место, сложившись, как камни, в стены вечного Града. Эта мысль примиряет с трагедией во времени и может вдохновить на подвиг, не только личный, но и социальный» [10, с. 54-55].

Индивидуализма «без берегов» в философском осмыслении эсхатологии у Г. Федотова не наблюдаем, он держится в рамках традиций Священного Писания и Священного Предания. Русский мыслитель стремится раскрыть христианскую картину мира, словно в опрокинутой перспективе – эсхатологической перспективе будущего, что было изложено в Откровении, как завершающей части Нового Завета. При этом положительный

образ нигилизма и «здорового пессимизма» у него словно трещит по швам. В свое время И. Кант вывел так называемый категорический императив; нечто схожее, но с эсхатологическим оттенком мы находим в работе Г. Федотова. Философ выводит свою формулу борьбы с нигилизмом и пессимизмом в размышлениях человеческой самости о конце мира: «Вот максима личной жизни: живи так, как если бы ты должен был умереть сегодня, и одновременно так, как если бы ты был бессмертен. И вот максима культурной деятельности: работай так, как будто история никогда не кончится и в то же время так, как если бы она кончилась сегодня. Противоречие? Трудность? Еще бы. Бесконечность, бессмертие определяют здесь содержание жизни и работы, не ограниченной никакими перспективами времени. Смерть, эсхатология определяют духовную установку: сознание относительности, хрупкости, тленности всякого человеческого дела и жажду абсолютного совершенства, не утоляемого культурой» [10, с. 51].

По большому счету Г. Федотов сознательно выходит за рамки богословского толкования эсхатологии, утверждает философский размах и культурологическую глубину самих понятий «эсхатология» и «культура». Вопрос христианской эсхатологии структурируется им в двух важных понятийных аспектах – «элемент времени» и «форма конца». Все спекуляции относительно пошлой и праздной пытливости о последней судьбе человечества русским мыслителем критически отсекаются. Г. Федотов понимает, что историю человечества трудно с чем-либо сравнивать, а потому, когда речь идет о ее итогах, то следует подводить под нечто «высокое». Иного способа осуществить ее оценку онтологически и аксиологически выверенного не существует. Свобода человеческой воли делает судьбу самого человека, человечества в целом и мира сложнейшим объектом для рассмотрения. Даже самые жаркие дискуссии философов об онтологических основах человека в мире упираются в тему «конечности бытия». Эсхатологическая картина мира позволяет субъекту конструировать и тем самым духовно обновлять социальную реальность, насыщать культурное пространство высокими ценностями.

Не обошел своим вниманием Г. Федотов и тему прогресса в рамках обсуждаемых вопросов эсхатологии и культуры: «Теперь уже ясно, какие две концепции эсхатологии и культуры отвергаются христианским опытом Откровения и истории. Первая концепция – бесконечного, никогда не завершеного прогресса, которой жила секуляризованная Европа двух последних столетий. Вторая концепция – насильственной, внечеловеческой и внекультурной эсхатологии, – которой жило первохристианство и народная русская религиозность. В чем ужас бесконечного прогресса? В том, что он, накапливая изумительные ценности, созданные человеком, бессилён искупить его самого: от греха и смерти» [10, с. 48].

Красной линией через весь анализ вопросов понимания христианской эсхатологии и ее уникальности проходит тема о роли свободной воли человека в трагичных аккордах завершения бытия истории. Человек свободен конструировать не только свое настоящее, но и своим настоящим бытием с Богом определять образ будущего.

Не менее интересным моментом в работе Г. Федотова является тонкий упрек мыслителя в адрес греческой философской мысли. Известно, как в свое время Ф. Ницше обрушивался с критикой на доминирующую рационализацию в осмыслении бытия, полагая, что все современные проблемы культуры обязаны тому источнику, что зовется «античная философия». Причина – рационализация смыслов бытия через доминирование аполлонического начала. В то время как для Г. Федотова важным в критике является следующее: «Нельзя отрицать, что греческая мысль и благочестие рано отвлекли христианство от эсхатологических путей Израиля. Великая эсхатология подменялась малой: судьбой личной души» [10, с. 46].

Обращают на себя внимание справедливые упреки Г. Федотова в адрес новой западноевропейской христианской социальной концепции. Она видится русским философом такой, что лишена религиозного оптимизма, духовно-опасной и не совместимой с мужественностью быть, мужеством и отвагой «стояния в вере». В ней так же мало остается места для такой добродетели как надежда. В связи с этим вопросом стоит вспомнить

рассуждения Г. Марселя о сопоставлении феноменов «оптимизм» и «надежда». Г. Федотов динамично разыскивает корни духовного и религиозного кризиса в христианском мире. С оптимизмом верующего человека этот философ пытается рассмотреть будущее в его эсхатологической перспективе. Все ответы на эти вопросы для него открываются в тексте Библии. Экзегезис и герменевтика как способы прочтения и понимания таких текстов хороши при условии четкого разграничения двух важных моментов в анализе. Речь идет о понимании того факта, что христианство с его религиозной картиной мира может пред нами представлять одновременно в двух образах – библейском и философском. Второй образ несет на себе печать идей платонизма и неоплатонизма.

Выводы. Русский мыслитель проводит четкий водораздел в понимании исторического и мистического христианства. Подчеркивает роль их и значение для культуры, но вместе с тем, особое внимание уделяет культурно-исторической перспективе бытия человека и общества вне мистического контекста, при этом, нисколько не отрицая и не занижая его значения. Понимание эсхатологии в ее философском и культурологическом измерении, по глубокому убеждению Г. Федотова, довольно взвешенное. Это следует понимать еще и как факт того, что эсхатология – та область, что противится идеям свободолобивой философской критики.

В своих размышлениях Г. Федотов обосновывает ошибочность и губительность мнения, которое допускает культуру без эсхатологии и эсхатологию вне культуры. С целью борьбы с таким мнением философ стремится интерпретировать оба эти феномена не в статусе мировоззренческих абстракций, а как живую канву бытия человека и мира во всей их исторической полноте. При этом все проблемы культуры рассматриваются им в органической связи с христианской эсхатологической картиной мира.

Сакральность феномена смерти в культуре признается ученым при условии ее эсхатологического измерения. Онтологические и аксиологические глубины вопроса смысла смерти кладутся в основу всего анализа культуры как смысловой формы бытия человека, а эсхатология постулируется как позитивная жизненная установка. Г. Федотов является одним из тех мыслителей, что переживает содержание Нового Завета как нечто живое и лично необходимое.

В христианской эсхатологической картине мира для ученого ключевым и философски нагруженным моментов выступает не чаяние будущего конца мира, а строительство социальной жизни в «граде земном». Это важное условие земного бытия в рамках традиционных христианских заповедей и ценностей. По мнению Г. Федотова, культурное творчество во всей полноте этих слов не просто задает условие человеческому бытию, а фактически становится формой достойного бытия человека в глазах других и Творца.

Г. Федотов выделяет несколько линий критического анализа вопросов культуры, среди которых также несостоятельность нигилизма, платонизма и агностицизма верно осмысливать полноту исторического бытия личности и человечества в целом. В зону критического взгляда у мыслителя попадает и вопрос об апатичном отношении к жизни, о соблазне «отказа» от своего призвания, своего служения, как негативной трактовки эсхатологической картины мира в христианстве.

Список использованной литературы:

1. Райт Т. Главная тайна Библии: Смерть и жизнь после смерти в христианстве / Т. Райт. – М.: Эксмо, 2009. – 384 с.
2. Марсель Г. Homo Viator. Прологомени до метафізики надії / Габріель Марсель; пер. з фр. В. Й. Шовкун. – К.: КМ Academia; Пульсари, 1999. – 320 с.
3. Честертон Г. Вечный человек / Г. Честертон. – СПб.: Мидгард, 2004. – 704 с.
4. Аверинцев С. С. Софія-Логос. Словник. 2-е видання / С. С. Аверинцев. – К.: Дух і Літера, 2004. – 258 с.
5. Ильин И. Основы христианской культуры / И. Ильин. – М.: Эксмо, 2011. – 702 с.
6. Хоружий С. С. Современность и эсхатология: Рене Жирар и парадигма спасения в последний миг / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 111-120.
7. Гумерова Ж. А. Культурно-исторические взгляды Г. П. Федотова / Ж. А. Гумерова // Вестник Томского

- государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 72-75.
8. Зубов А. Б. Эсхатологическая уникальность христианства / А. Б. Зубов // Континент. – 1994. – № 78. – С. 233-245.
 9. Седакова О. Сергей Сергеевич Аверинцев. Апология рационального / О. Седакова // Континент. – 2008. – № 138. – С. 86-93.
 10. Федотов Г. П. Эсхатология и культура / Г. П. Федотов // Новый Град. – 1938. – №13. – С. 45-55.

References:

1. Right, T. (2009). *Main secret of Bible: Death and life post mortem in Christianity*. М.: Eksmo (in Russ.)
2. Marcel, G. (1999). *Homo viator*. К.: Pulsary (in Ukr.)
3. Chesterton, G. (2004). *The Everlasting Man*. SPb.: Midgart (in Russ.)
4. Averintcev, S. S. (2004). *Sofia-Logos. Dictionary*. К. Dukh and Litera (in Ukr.)
5. Ilyin, I. A. (2011). *Bases by the Christian Culture*. М.: Eksmo (in Russ.)
6. Horuzhiy, S. S. (2018). Modernity and eschatology: The paradigm of the salvation at the last moment. *Voprosy filosofii (Questions of Philosophy)*, 6, 111-120 (in Russ.)
7. Gumerova, G.A. (2013). Cultural and historical looks of G. P. Fedotov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Announcer of the Tomsk State University)*, 368, 72-75 (in Russ.)
8. Zubov, A. B. (1994). Eschatology unicity of Christianity. *Kontinent (Continent)*, 78, 233-245 (in Russ.)
9. Sedakova, O. A. (2008). Apologia rational. *Kontinent (Continent)*, 138, 86-93 (in Russ.)
10. Fedotov, G. P. (1938). Eschatology and culture. *Novyi Grad (New Hail)*, 13, 45-55 (in Russ.)

BORISOVA Tatyana Viktorovna,
 Candidate of Philosophical Sciences,
 Associate Professor of the Department
 of Philosophy and Political Studies,
 National Metallurgical Academy of Ukraine,
 e-mail: tvborisova78@gmail.com

ESCHATOLOGY AS A PART OF CULTURAL SPACE IN THE CHRISTIAN PICTURE OF THE WORLD OF G. P. FEDOTOV

Abstract. Introduction. In the eschatology picture of the world the questions of culture and life of man have special status and special decision. The reasons of sociocultural crisis of society consist in the incorrect understanding of value and role of the culture and the eschatology. The problem of tragedy of extremity of life is overcome by a strong hope on God. **Purpose.** The purpose of the article is an analyses of the problem field of eschatology picture of the world in the works of G. Fedotov through the prism of eschatology and culture. **Methods.** The method of analysis of systems allows to examine the Christian picture of the world as a system of aims, senses and moral values. Structural approach gave an opportunity to distinguish a culture and eschatology as making elements in cultural space of Christian picture of the world. Comparative analysis of Ancient and Christian epochs promoted philosophical status of eschatology in its religious measuring. **Results.** The understanding of the historical process, the life and a man in G. Fedotov's works is deeply humanely. The creation of history takes place through the realization of human experience. The creative free activity of man must overcome total pessimism in face of end of times. The way of rescue of culture is based on religious bases of living faith in God. **Originality.** A Christian eschatology is understood by G. Fedotov as a part of all cultural and historical space. The phenomenon of death carries not only ontological but also mystic, sacral aspect. The religious measuring of history allows to tell about the general life roots of history and culture. **Conclusion.** In a few lines of walkthrough of questions of culture Fedotov insists on the anthropological, rather than just historical understanding of Christian eschatology and culture. The forming of faithful look to the questions of culture and history is important for the construction of actual life of man and society.

Key words: culture, eschatology, history, man, God, freedom, life, nihilizm.

Анотація. Борисова Т. В. Есхатологія як частина культурного простору в християнській картині світу Г. П. Федотова. Культурно-філософське розуміння есхатології в творчості Г. П. Федотова виступає об'єктом даного дослідження. У головних лінях критичного аналізу питань культури та есхатології у російського мислителя розкриваються її основні теми буття людини і світу, їх кінцевої долі. Богословський контекст дослідження Г. П. Федотом цих тем дозволив втілити порівняльний аналіз християнської та античної есхатології, виділити їх проблемні точки і

точки культурного росту самої ідеї культури. Особлива роль творчої діяльності людини розуміється російським мислителем як важлива умова буття граду земного. Екзистенційні основи та феномени життя людини (творчість, свобода, надія, смерть, віра, сенс життя та інші) не містифікуються, а розуміються в світлі християнської антропології й аксіології. Релігійний вимір історії мислителем виводить його на виявлення спільного онтологічного коріння самої культури та історії в їх есхатологічній перспективі. Г. П. Федотов здійснює пошуки причин соціокультурної кризи сучасного суспільства в його історичній ретроспекції. Порівняльний аналіз античної та християнської картини світу дозволяє критично поглянути на ідеї платонізму, нігілізму та агностицизму у розгляді основних питань культури й есхатології. Формування вірного погляду на питання культури та історії важливі для побудови актуального буття людини і суспільства.

Ключові слова: культура, есхатологія, історія, людина, Бог, свобода, життя, нігілізм.

Одержано редакцією 08.11.2018

Прийнято до публікації 07.12.2018

УДК 1:316
DOI:10.31651/2076-5894-2018-2-39-45

ГОРДІЙЧУК Ольга Олегівна,
кандидат філософських наук,
докторант кафедри філософії
Житомирського державного університету
імені Івана Франка,
e-mail: gordijchuk.olga@gmail.com

«РЕВОЛЮЦІЯ ГІДНОСТІ» ТА ЇЇ ВПЛИВ НА МЕНТАЛЬНІСТЬ УКРАЇНЦІВ: СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКИЙ АНАЛІЗ

У статті здійснено соціально-філософський аналіз репрезентації та трансформації засадничих рис української ментальності під час і по завершенню суспільно-політичної кризи та одночасно доленосних для України подій листопада 2013 – лютого 2014 рр., а саме: волелюбності, демократизму, толерантності, терпимості тощо. Обґрунтовано, що на зміну покорі й страху перед владою, сформованому переважно за радянських часів, активізувалася така латентна риса української ментальності, як безстрашність та бажання йти до мети, незважаючи на ризики для життя; традиційна українська неквапливість трансформувалася у швидку цілеспрямовану самоорганізацію, ефективну спільну діяльність громадою. Доведено, що «Революція Гідності» згуртувала українських громадян, стала потужним поштовхом до пробудження національної самосвідомості й гідності, спростувала пануючу в суспільстві думку про пасивність і байдужість українців до громадських справ, брак національної солідарності. Висвітлено й прояв негативних рис української ментальності – пристосуванства, запродавства та відчуження від спільноти, переваги особистісних інтересів над національними, імпульсивності й надмірної емоційності, неспроможності стратегічного планування тощо. Представлено соціально-філософські феномени «революції по-українськи», які забезпечили її учасникам досягнення поставленої мети.

Ключові слова: ментальність, менталітет, національний характер, екзистенціали буття, Євромайдан, «Революція Гідності», громадянське суспільство, демократія.

Постановка проблеми. Україна стала незалежною державою у 1991 році, зайнявши позицію країни з «багатовекторною» зовнішньою політикою. Відповідно, наступні два десятиліття історії були політикою балансування між Сходом та Заходом. Значна частина українців підтримувала інтеграцію країни у європейський простір, однак всеукраїнське схвалення європейського вектору розвитку стало наслідком Помаранчевої революції 2004 року. Саме тоді українці продемонстрували собі та світовій спільноті, що Україна прагне кращого майбутнього – жити у високорозвиненій країні з європейськими цінностями та